

Внутри дворца теперь снова остались только они двое. Юйвэнь Юэ стоял рядом с Се Жаном, глядя на его бледное лицо, и произнёс глухим голосом:

— Ты думаешь, Я в это поверю?

— Рано или поздно согласишься, — ответил Се Жан.

Даже будучи настолько слабым, что ему с трудом удавалось держаться на ногах, он сохранял прежний уверенный вид. Больше всего Юйвэнь Юэ ненавидел в нём именно это — надменное выражение лица, будто всё на свете находилось под его полным контролем.

Юйвэнь Юэ холодно усмехнулся:

— Хорошо, тогда прямо сейчас сдай мне военную власть над императорской стражей и пост премьер-министра, и тогда Я, разумеется, поверю тебе.

— Ты что, считаешь меня дураком? — Се Жан опустил глаза, и его голос звучал тихо, словно в бреду. — Только пока в моих руках остаются армия и должность, ты не можешь меня тронуть. А если я отдам их... останется ли у меня хоть какой-то путь к выживанию?

Взгляд Юйвэнь Юэ слегка изменился, и он произнёс:

— Если ты передашь мне военную власть, Я могу пощадить твою жизнь.

— Ах да, тебе ведь придётся пощадить мою жизнь... Тебе же ещё нужно полагаться на мой синьсян, чтобы успокаивать рассудок, — Се Жан кивнул так, будто его осенило, и тихо вздохнул. — Значит, когда я сдам военную власть, что ты собираешься сделать? Запрещь меня в темной комнате?

Юйвэнь Юэ на мгновение растерялся и торопливо бросил:

— С чего бы это!

Се Жан чувствовал себя до того скверно, что его клонило в сон. Словно не услышав ответа, он продолжил бормотать себе под нос:

— Прямо как в романах: сковать золотой цепью, приковать к постели и пользоваться, когда захочется...

Он приподнял веки и бросил взгляд на Юйвэнь Юэ:

— Такой молодой, а мыслишки уже такие грязные.

Юйвэнь Юэ: «.....»

Он хотел было возразить, но слова, сорвавшиеся было с языка, застряли на полпути.

Хотя слова Се Жана на первый взгляд казались нелепыми, в данный момент он действительно нуждался в синьсяне этого человека для успокоения. Поэтому, даже если бы Се Жан и впрямь согласился отдать всё, он не мог просто так отпустить его.

Выходило так, что, кроме как запереть его, другого выхода... пожалуй, и не оставалось.

Взгляд Юйвэнь Юэ вновь упал на Се Жана.

Обычно Императорский наставник всегда держался с надменной гордостью, а в его глазах читались лишь презрение и насмешка — казалось, все люди в этом мире для него были не более чем полезными инструментами, и никто не мог удостоиться его внимания.

Но на самом деле природа оделила его прекрасным лицом.

В нём не было ни женоподобности, ни холодной отрешённости.

Се Жан обладал чрезвычайно красивой внешностью: изящные черты лица, очертания бровей, а глаза — мягкие и полные чувственности. Уголки его глаз слегка приподнимались, от рождения имея розоватый оттенок, и когда он переводил взгляд, это само собой придавало ему обаятельный и романтический вид.

Юйвэнь Юэ на миг потерял рассудок, но тут же пришёл в себя.

О чём это он думает?

Хотя Се Жан и был до крайности отвратителен, и Юйвэнь Юэ не раз в мыслях подумывал о том, как бы отомстить ему, этот человек всё же был его учителем, перед которым он преклонял колени, подносил чай и которого почитал по всем правилам.

Как он мог совершить такое со своим учителем.

Он же не зверь!

Уши Юйвэнь Юэ пылали от жара, и не успел он никак отреагировать, как впереди послышался глуховатый, хриплый смех.

Се Жан прислонился к кушетке, его тело мелко дрожало от сдерживаемого смеха, а персиковые глаза изогнулись красивыми дугами:

— Дурачок, совсем не умеешь шутить, кхе-кхе-кхе!

Он поперхнулся от смеха и зашёлся в резком кашле.

Он кашлял так сильно, что одна рука уплёрлась ему в губы, а другая инстинктивно вцепилась в подлокотник кресла; под тонкой кожей на тыльной стороне ладони чётко проступали вены, а сама она была до того белой, что казалась почти прозрачной.

Юйвэнь Юэ резко отвёл взгляд, зажмурился и хотел было повернуться и уйти.

Сзади донёсся слабый голос молодого человека:

— Куда это ты собрался... кхе-кхе, неужели из-за этого рассердился?

Юйвэнь Юэ ничего не ответил.

Когда Се Жан тяжело болел, он становился особенно разговорчивым. Его тело до боли пронизывал холод, у него даже не осталось сил поднять веки. Заметив, что собеседник молчит, он принялся успокаивать его:

— Я же просто шучу, я знаю, что ты благородный муж и не стал бы делать ничего подобного, не сердись же...

Успокоив его, он тут же принялся жаловаться:

— И ещё государь целой страны, а терпения — капля...

Юйвэнь Юэ почувствовал беспричинное раздражение и досадливо бросил:

— Я иду велеть кому-нибудь сварить тебе имбирный отвар!

.

Горячий имбирный отвар подали очень быстро; в него добавили лекарственные травы, изгоняющие холод, и Се Жан выпил две большие чашки, после чего его телу наконец стало немного легче. Только что его то бросало в жар, то в холод, и он покрылся испариной, но стоило ему немного прийти в себя, как он собрался идти в боковой павильон, чтобы искупаться.

Слуги во Дворце Цяньцин заботились об Императорском наставнике с большим усердием, чем о самом Юйвэнь Юэ, правителе государства. Все суетились туда-сюда, а Юйвэнь Юэ сидел в Тёплом павильоне в полном одиночестве, пролистывая свитки, только что принесённые из Книгохранилища.

Чан Дэчжун вошёл внутрь и налил ему чашку чая.

Юйвэнь Юэ бросил взгляд на стражников снаружи и, убедившись, что никто на них не обращает внимания, тихо спросил:

— Он действительно тебя не наказал?

— ...Нет, — шёпотом ответил Чан Дэчжун.

С прошлого вечера и до сегодняшнего дня Чан Дэчжун не находил себе места от тревоги.

С умом Императорского наставника было просто невозможно не догадаться об участии евнуха в этом заговоре. После событий вчерашнего дня он мысленно уже был готов пожертвовать собой ради Вашего Величества.

Однако тот не только не стал преследовать его за содеянное, но даже позволил и дальше оставаться при дворецких во Дворце Цяньцин.

Даже вчерашних соглядатаев, что должны были увести стражников наставника, и скрытную стражу, затаившуюся неподалёку от спальни, никто больше не пытался разыскать.

Что именно за игру вёл этот человек, Чан Дэчжун так и не смог понять.

Юйвэнь Юэ снова спросил:

— Когда вчера Я послал тебя в Резиденцию премьер-министра с приглашением, не случилось ли там чего-нибудь?

Выражение лица Чан Дэчжуна стало несколько нерешительным:

— Было одно дело...

Поколебавшись немного, он продолжил:

— Когда господин Се вошёл во двор, он внезапно рухнул на землю и на мгновение потерял сознание.

— Потерял сознание?

— Именно так, — подтвердил Чан Дэчжун. — Раб испугался, что это вызовет непредвиденные осложнения, и не посмел сразу звать лекаря. Впрочем, позже императорский лекарь всё же осмотрел господина Се и сказал, что никакой опасности для жизни нет...

Юйвэнь Юэ ничего не ответил.

Он молчал очень долго, но в конце концов так ничего и не произнёс, лишь спросил снова:

— Были ли за эти два дня какие-нибудь новости при дворе?

Чан Дэчжун доложил:

— В правительстве царит полное спокойствие, если не считать того, что вчера утром министр Ритуалов вместе с несколькими учёными из дворцовых палат ходил в Резиденцию премьер-министра просить за Ваше Величество.

Юйвэнь Юэ:

— И каков результат?

— Господин Се велел избить его двадцатью палками, и теперь министр лежит дома, не вставая с постели. — Чан Дэчжун бросил взгляд наружу и, убедившись, что вокруг ни души, тяжело вздохнул: — Министр Ритуалов уже в преклонных годах, от такого удара он едва не лишился половины жизни!

Взгляд Юйвэнь Юэ помрачнел.

<http://bllate.org/book/26021/3115775>